

Для объективного определения количества заданий по отдельным дисциплинам, включаемых в междисциплинарный тест, необходимо определить весовой коэффициент каждой дисциплины [2].

Весовой коэффициент i -й дисциплины определяется исходя из значимости и количества компетенций, обеспечиваемых данной дисциплиной. Среднее значение коэффициента значимости компетенций, обеспечиваемых данной дисциплиной, определяется по формуле

$$K_{зн(СР)i} = \frac{\sum_{j=1}^{n_i} K_{знj}}{n_i},$$

где $K_{знj}$ – коэффициент значимости j -й компетенции (табл. 2); n_i – количество компетенций, обеспечиваемых i -й дисциплиной.

Рассчитывается отношение количества компетенций, обеспечиваемых данной дисциплиной, к общему количеству требований, выносимых на экзамен:

$$Z_i = n_i / N,$$

где N – общее количество компетенций, выносимых на экзамен.

Весовой коэффициент i -й дисциплины определяется по формуле

$$V_i = K_{зн(СР)i} \cdot Z_i \cdot 100.$$

Условие нормировки: $\sum_{i=1}^m V_i = 100$,

где m – количество дисциплин, выносимых на экзамен.

Результаты расчета можно представить в виде табл. 3.

В соответствии с методическими рекомендациями по проведению итоговой государственной аттестации выпускников высших учебных заведений предполагается также проверять умение решать типовые инженерные задачи оперативного характера.

Инженерные задачи должны иметь междисциплинарный характер. Из табл. 2 и 3 видно, что для

Получено 07.12.2015

выполнения какого-либо одного требования стандарта (компетенции) необходимо знание выпускниками материала нескольких дисциплин. Исходя из этого необходимо разработать модель междисциплинарной подготовки выпускников, в которой приводятся требования стандарта (компетенции) и дескрипторы тезаурусов учебных дисциплин, обеспечивающих сформированность данной компетенции [3].

Таблица 3. Структура тезауруса направления подготовки и весовые коэффициенты учебных дисциплин

№ п/п	Учебная дисциплина	Коды требований стандарта (компетенции)	Весовой коэффициент дисциплины (усл. ед.)
1			
2			
...			
<i>m</i>			
Итого			100

Данная модель может быть принята за основу при разработке междисциплинарных задач (комплексных квалификационных заданий), включение которых в программу аттестационного испытания позволит комплексно оценить уровень сформированности у выпускников той или иной компетенции на материале нескольких дисциплин.

Библиографические ссылки

1. Черепанов В. С. Основы педагогической экспертизы : учеб. пособие. – Ижевск : Изд-во ИжГТУ, 2006. – 124 с.
2. Родыгина Т. А., Белова Г. М. Квалиметрические основы диагностики общепрофессиональных компетенций // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 10.
3. Светлакова И. Н., Родыгина Т. А., Черепанов В. С. О содержании комплексных аттестационных испытаний выпускников сельскохозяйственного вуза // Вестник ФГОУ ВПО «Московский государственный агроинженерный университет имени В. П. Горячкина». – Вып. 6(37). Теория и методика профессионального образования / под ред. П. Ф. Кубрушко. – М. : МГАУ, 2009. – С. 90–95.

УДК 1(091)

Н. Н. Измestьева, кандидат философских наук, доцент, Сарапульский политехнический институт (филиал) ИжГТУ имени М. Т. Калашникова

КЛИПОВОЕ СОЗНАНИЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Основной вопрос образования – как учить? – поставленный каждой исторической эпохой, чаще всего ответа не имеет. Все проблемы образования возникают по одной и той же причине:

стрела истории однонаправлена. Скорость, с которой изменяется историческое сознание, не совпадает со скоростью изменения способов его корректировки в соответствии с запросами общества. Когда проблема

фиксируется как образовательная, она фиксируется уже как следствие и неустранимость, неотвратимость самой причины. Общество же предпочитает быстрое преодоление проблемной ситуации, отсюда – упование на «панацею». Сегодня универсальный и легкий способ реформирования образования связывается с внедрением информационных технологий. Ни самые дерзкие, ни самые реальные представления о преобразовании человеческой природы благодаря универсальным методам образования и воспитания не имеют исторических примеров реализации. И античная Пайдейя с ее ориентацией на идеал *humanitas* как гармоничную реализацию способностей и возможностей свободного человека, и просветительская идея исправления человеческих пороков перевоспитанием остались в далеком прошлом. А человек из эпохи в эпоху остается проблемой для самого себя.

Общество в своем развитии всегда технологически прогрессивно. Технологии, в свою очередь, как совокупный продукт общественного сознания становятся очередным вызовом самому обществу. Технологически организованная среда обитания воздействует на сознание человека. Сегодняшний его «дефект» – это так называемая клиповость. Ответ на вопрос, является ли клиповое сознание коррелятом постмодерной модели сознания или это побочный продукт развития информационных технологий – цель настоящего опыта философской рефлексии как попытки участия в дискуссии по обозначенной проблеме. Мы ставим задачу уяснить возможности корректирования педагогической практики, ориентированной на информатизацию образовательного процесса, инновационными выходами в культурную традицию.

Удел образования – отвечать на цивилизационные вызовы возможно более адекватно. Практическое знание, к каковым относится педагогическое, индуктивно по своей природе и не может опережать формирование самого явления. Воспроизводство традиции на инновационных основаниях – способ сохранения цивилизационных рамок человечества.

Для педагогического сообщества само понятие клипового сознания описывает совершенно конкретное явление, с которым приходится не только считаться, но которое требует определенной проясненности, соответствующих оценок и ориентиров в решении проблемы. Для выхода на сколько-нибудь четкую педагогическую позицию необходима философская рефлексия фиксируемого феномена, да и феномена ли, в строгом понимании.

Сознание современного человека далеко от классической модели. Открытый Кантом рассудочный механизм осуществления категориального синтеза механизмы осознания становления нового исторического субъекта – автономного индивида, дающего законы и определяющего моральные смыслы. Завидное духовное здоровье исходит от кантианской хронотопной схемы познания: восприятие внешнего мира во внешнем чувстве, определяемое продуктивным воображением, и восприятие самого себя во

внутреннем чувстве, конструируемое собственными действиями и поступками [1, с. 99–103; 114–118]. Единство сознания на основе *ratio*, связывающего рассудок и чувственность, центрированность мышления высшими мировоззренческими идеями, этическими императивами и общезначимыми этическими ценностями – кантианская модель, не достигшая своей исторической цели. Такой итог подводит постмодернистская философия.

Сознание «последнего человека» деструктивно (Деррида), нечеловекомерно, дисфункционально (Делёз). Диагноз, поставленный Делёзом историческому сознанию в его современном состоянии, – желание без интенциональности, или шизофрения. Установленная «болезнь века» является результатом потребительского социального производства, предельный продукт которого – «воля к ничто» [2, с. 96–141]. «Нехватка рациональности», «потеря рациональности», «недостаточный контакт с жизнью», по Делёзу, – основные характеристики постмодерного сознания. Анализ его проявлений при наложении хронотопной кантианской матрицы обнаруживает рассудок в превращенной форме.

Восприятие внешнего мира во внешнем чувстве, определяемое продуктивным воображением, и восприятие себя самого во внутреннем чувстве, конструируемое собственными действиями и поступками, сводится к отсутствию в современной картине человеческой чувственности активного продуктивного синтеза пространства и времени. Сознание современного человека рецептивно, или созерцательно. «Я» не в состоянии осуществлять систематическое мышление. Мышление, в свою очередь, лишено онтологических координат. Рассудок схватывает причинно-следственные связи, но не выходит на связи сущностные. Современный интеллект не завершён иерархией идей. Человек выпадает из объективного пространства-времени в мир субъективных переживаний. Он выпадает из времени эпохи, истории. Совокупный общественный рассудок не способен синтезировать реальные смыслы явлений. Современный человек теряет фундаментальные свойства разумности [3, с. 43–56].

На индивидуальном уровне сознание сворачивается до состояния ухода в себя. Горизонт такого сознания сужен до «улиточного», оставаясь на созерцательном уровне. Сталкиваясь с таким явлением, педагогика вынуждена констатировать наличие проблемы невыводимости сознания ученика из состояния «клиповости», дискретности. Может ли обращение к традиции оказаться подсказкой для разрешения проблемной ситуации? Этот путь пока не подводил человечество. Выпадение из традиции, как показала современная практика реформирования образования, весьма опасно. Готовые рецепты от мудрецов не следует забывать именно в кризисные времена. Платон и Ф. Бэкон выпадение человеческой разумности из собственных рамок в «нечеловекомерность» фиксировали понятиями «пещера» и «идолы». По определению Бэкона, человеческое сознание всегда было и будет подвержено верить «в истинность того, что

предпочитает. Он отвергает трудное – потому что нет терпения продолжать исследование; трезвое – ибо оно неволит надежду; высшее в природе – из-за суеверия; свет опыта – из-за надменности и презрения к нему... Бесконечным числом способов, иногда незаметных, страсти пятнают и портят разум» [4, с. 22]. Корректирующие программы тоже известны: «уподобление», по Платону, и «просветление», «расчищение» сознания, по Бэкону. Декарт подсказывает идти собственным путем. Другого, кроме упования на самого себя и познания самого себя, человеку не дано.

Сознание, приученное к картинке, экранному формату, фрагментарности информационных блоков, во многом напоминает «идолов пещеры» и «идолов рынка» Ф. Бэкона. Доверие только чувственному опыту и чужому мнению опасно в описанных мыслителем пределах. Эта опасность устранима методически: четыре правила метода и Бэкона, и Декарта трудно отменить, – на них строится научное познание. Привязанность ученика к картинке сама по себе опасности не представляет. Вся средневековая эпоха опиралась на способ передачи информации через картинку: клейма на иконе, скульптурно-архитектурный ажур храмов, многоярусные иконостасы, роспись внутрихрамового пространства – все это имело вполне конкретное назначение. Картинка объясняла, рассказывала, просвещала. Подавляющая часть населения средневековых городов и селений была безграмотна, а вероисповедание зиждется на культуре, знании конкретных культурных текстов. Верующий, молясь перед иконой, мог по клеймам, расположенным по ее периметру, узнать о житии святого, представленного средником. Роспись храма раскрывала содержание канонизированных ветхозаветных и новозаветных сюжетов. Христианский культурный текст осуществлялся как общечеловеческий образовательный проект на основе строгого сохранения традиции через канон. Так обеспечивалась непрерывность, неразорванность сознания, центрированного идеями.

Наша современность – это жизненный мир человека, вовлеченного в новый виток технологизации. Завоевание и беда информационных технологий – виртуальная реальность. Виртуальность, принятая христианским средневековьем, была условием, обеспечивающим человеку возможность не затеряться в мире реальном. Мир нереальный, сверхъестественный – это строго иерархическая выверенность сознания относительно истины, удерживающая сознание в норме. Затеряться в этой виртуальной реальности для христианина невозможно, потому что любое погружение в этот мир было выходом в поле культуры, при этом самосознание воспроизводило себя на более высоком уровне.

Обращение к виртуальной реальности сегодня – это не воспроизведение культуры. Это постоянное репродуцирование одних и тех же текстов по одному и тому же запросу. Выход в информационный поток может быть сколько угодно непродуктивным. И сам поток информации отражает современное состояние культурного текста. Иными словами, какова культу-

ра – таков и текст, или информационный поток. Интернет, порожденный совокупным сознанием, есть продукт с содержанием, тождественным содержанию самого сознания. Абсолютная свобода от редактирования, цензуры, элементарной ответственности авторов перед самими собой, тем более перед человечеством, заставляет сомневаться в качестве получаемой по интернету информации.

Ученик – это тот, кто вводится в культуру проводником-учителем. Только учитель является тем призванным, которому открыты горизонты культуры. Подмена учителя в метафизическом отношении учитель – ученик чем-то, что претендует его заменить, чревато процессами, усугубляющими кризисное состояние исторического сознания.

Интернет соблазняет равенством близости: виртуальный мир конструируется шаблонно. Шаблоны универсальны и не обеспечивают возможности индивидуального самовыражения. Готовые формы собираются, разбираются, воспроизводятся, комбинируются. Они не создаются, они уже заготовлены – только выбирай. Натренированное таким образом сознание трудно настраивается на самостоятельное творчество: придумать, сочинить, изобразить и сконструировать без шаблона. Воображение, замкнутое готовыми формами, не продуктивно. Рассудок загнан бегом по многочисленным поисковым каналам и не способен к простым самостоятельным суждениям. Высказывание полным текстом для сегодняшнего ученика затруднительно. Его сознание не собирает сколько-нибудь значимые кванты информации в представление о фрагменте реальности. Да и на самом фрагменте реальности сосредоточиться не может в силу неспособности к интенции.

Задача учителя сегодня – предостеречь от современных «пещер» при контакте с информационным потоком. Ценность информационных технологий применительно к образованию базируется на понимании, а лучше императиве, что информация является только условием знания. Компьютер – только средство, вспомогательная наличность, такая же необходимая, как счетные палочки, в которые надо вдохнуть жизнь – означить, применить для извлечения смысла. Оставить ученика один на один с компьютером, которому сегодня отводится значимая «должность» в образовательном процессе, – значит произвести подмену обучения плаванием в информационном потоке [5, с. 66]. Этому потоку всеобщим равнодушием и безответственностью – «по умолчанию» – придана субстанциальность. Это абсолют, с которым надо соотноситься: «Обратись в Интернет! – Зачем? Мне нужно твое живое слово! – Зачем?» Вот он дефицит реальности.

Индивидуальное сознание приведено к необходимости постоянно соотноситься с этим потоком-абсолютом, теряя основания в самом себе. Сцепить такое сознание может только традиция, или возвращение в культуру. Суть образования в пошаговом вхождении в текст культуры с целью его присвоения и последующего воспроизводства на уровне новаций. Это уже не блуждание в потоке информации,

это знание. Ученик не должен запрашивать, он должен вопрошать. Так, поставленное образование невозможно без учителя и без чтения.

Когда-то писательница де Сталь в кризисные для французского образования времена на вопрос Наполеона об изменении ситуации ответила: «Нужны матери! Это о чем? – О семейном чтении!». Руссоистский идеал гуманного по отношению к ребенку воспитания и обучения реализуется женщиной. Она создает детский мир, став читательницей, много передумав, пережив. В России такая женщина появляется в конце XVIII в. Русская женщина-читательница формируется под влиянием Н. Новикова и Н. Карамзина. Именно они создали, по мнению Ю. Лотмана, новую эпоху в истории русской женской культуры, разработав и подготовив систему полезных для матери и домохозяйки книг. Это была библиотека для женского чтения. И вместе с журналом «Детское чтение для сердца и ума», читателями которого были дети и их матери, эта система чтения стала настоящей «прикладной педагогией», «дидактикой, притворяющейся искусством» [6, с. 70–77]. Наивные модные романы, какими зачитывались героини Карамзина и Пушкина, формировали детские души, равнодушные к несчастьям окружающих. Матери-читательницы создавали общую нравственную атмосферу русского общества. В эпоху романтизма и декабризма русская женщина поднималась не только до интеллектуального уровня мужчины, но и до общечеловеческой точки зрения.

Без этих «нежных мечтательниц» не было бы и жен-декабристок и «золотого века» русской культуры. «Детская книга вслух, а затем самостоятельная детская библиотека – таков путь, по которому пойдут будущие литераторы, воины и политики» [7, с. 81]. Еще в Советском Союзе каноничным считался стихийно сложившийся в русской читательской традиции список книг, включавший и «Дон Кихота», и «Робинзон Крузо», и «Чайльд Гарольда». Кто сейчас это читает? В какой семье сегодня возможны чтения вслух для всех домашних?

Все русские герои, оставившие свои имена в истории, происхождением из детства, проведенного в чтении. Поэтому юношей не страшила смерть. Потерять честь, совершить недостойный поступок –

хуже смерти. Мы, сегодняшние носители гена великой русской культуры, суедемся в поисках инновационных образовательных технологий, забыв самое главное – свою российскую самость.

Очень трудно сегодня учителю справиться с таким явлением, как клиповое сознание, неспособное к усвоению формата, превышающего экранный стандарт. Информационные технологии, обслуживающие потребительское общество, при отсутствии со стороны образования корректировок и ограничений становятся не полезными, а опасными. Решать проблемы образования должно все российское общество. Учитель может отвоевать свои позиции, устранив бинарные оппозиции ученик – компьютер, компьютер – учитель, восстановив естественное отношение учитель – ученик, т. е. вернуться в пространство-время учащей интеллигенции [8, с. 140]. Тогда меняется сама суть обучения: от современной механики опроса она переходит к вопрошанию. Когда обучение задано на этом уровне, тогда ученик учится идти собственным путем. Вопрошание в образовании возможно только в истинном культурном контексте, а точнее, при вхождении в культурный текст в его предельной полноте. Здесь роль учителя как учащей интеллигенции абсолютно значима.

Библиографические ссылки

1. Кант Иммануил. Критика чистого разума. – Ростов н/Д : Феникс, 1999. – 672 с.
2. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург : У-Фактория, 2007. – 672 с.
3. Железняк В. Н. Теоретическая педагогика в контексте философского и культурного дискурса // Философия педагогической теории. – Пермь : ПГТУ, 2005. – С. 37–118.
4. Бэкон Ф. Новый Органон // Соч. в 2 т. – М. : Мысль. – Т. 2. – 582 с.
5. Измestьева Н. Н. Апология учителя: философский этюд // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 3(41). – Ч. 1. – С. 65–69.
6. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. – СПб. : Азбука, 2015. – 544 с.
7. Там же. С. 81.
8. Измestьева Н. Н. Как возможна учебная дисциплина «Философия» // Казанская наука. 2011. – № 8. – С. 137–142.